

Часть четвёртая

Поэт у яра, на ГЭС, на корте

Глава 1

Сострадательная поэзия

Евгения Евтушенко нет уже несколько лет, прошло его 90-летие. Я – его ровесник, и, естественно, немало о нём слышал, его стихами, его общественной позицией, его мужеством не раз восхищался, долгое время максималистски считал его позицию слишком привязанной к официальной пропаганде. По прошествии лет моё отношение к нему изменилось; на фоне повального цинизма появилось сочувствие к мечтам и даже к искренности самообмана.

Автору поэмы «Братская ГЭС», которой в предлагаемом тексте уделено основное внимание, и персонажам этой поэмы свойственны идеализация Ленина и вера в будущий рай, называемый коммунизмом.

Попутно. Эти идеализация и вера имеют религиозный характер, они и до сих пор вполне заметны в интеллектуальных кругах. Но в то время для этого были веские причины, краткий обзор которых – в главе 4.

Кому чужды эта идеализация и эта вера, приходится, натыкаясь на них в поэме, снисходительно восхищаться обладателем этих чувств, не оставляя, впрочем, в стороне подозрение в их не полной ис-

крености, в сознательном самообмане. Важнее же иное: в случае поэмы эти верования удивительно сочетаются со стремлением к простой человечности, со способностью к состраданию. В этом проявились мужество и гражданственность автора, что, в дополнение к изложенному в главе 3 предыдущей части книги, показывает ещё одну возможность творить доброе в обстановке безвременья.

Уместно вспомнить, что люди имеют разные религиозные представления, многие не имеют никаких, но среди всех групп есть злодеи и есть праведники, а автор данной поэмы и её главные персонажи относятся ко вторым.

В данную часть помещены многочисленные цитаты из Евтушенко; они призваны продемонстрировать и подчеркнуть важнейший элемент его поэзии – сострадание.

Бабий яр и Анна Франк

Относительно легендарного стихотворения «Бабий яр» недавно читал, что «...с поэтической точки зрения стихи эти слабые, вся их сила – в позиции автора.» Действительно, в большинстве строк много авторского переживания, впрочем, симпатичного, и всякой банальной риторики, впрочем, справедливой и для того времени неожиданно смелой. Среди этого есть и мечтательное приукрашивание: «О, русский мой народ! – Я знаю – ты / По сущности интернационален».

В этом стихотворении есть, однако, эпизод, который потрясает и искренностью сопереживания, и проницательностью автора:

Мне кажется – я – это Анна Франк,
прозрачная, как веточка в апреле.
И я люблю. И мне не надо фраз.
Мне надо, чтоб друг в друга мы смотрели.
Как мало можно видеть, обонять!
Нельзя нам листьев и нельзя нам неба.
Но можно очень много – это нежно
друг друга в темной комнате обнять.
Сюда идут? Не бойся – это гулы
самой весны – она сюда идет.
Иди ко мне. Дай мне скорее губы.
Ломают дверь? Нет – это ледоход...

Обращаясь к «Братской ГЭС»

Поэма «Братская ГЭС» открывается главой «Молитва перед поэ мой», первая строка которой, ставшая пословицей, сразу и открыто объявляет позицию автора по отношению к обществу: «Поэт в России – больше чем поэт». С этой позиции он сострадает людям, а в стране причин для сострадания – изобилие.

В этой главе он поимённо обращается за поддержкой к классикам и, в частности, ищет опоры у Некрасова:

Дай, Некрасов, уняв мою ревность,
боль иссеченной музы твоей –
у парадных подъездов, у рельсов
и в просторах лесов и полей.

Дай твоей неизящности силу.

Дай мне подвиг мучительный твой,
чтоб идти, волоча всю Россию,
как бурлаки идут бечевой.

И действительно, Евтушенко – потомок Некрасова, почти уникальный в поэзии нашего времени, так склонной избегать прямых высказываний, зато «кичиться сложностью души» (выражение поэта Ник. Глазкова). В сущности, помимо стихов, связанных с личными обстоятельствами автора (Например: «Со мною вот что происходит / Ко мне мой лучший друг не ходит...»), главным его мотивом является именно сострадание.

К сожалению, поэт не только сострадает, но и любит или считает необходимым ораторствовать. Вероятно, чтобы погрузить читателя в суть российских явлений, он в «Прологе» поэмы много места уделяет сопоставлению растущей Братской ГЭС, как ни странно, с умершей египетской пирамидой и изложению истории России в виде чудного восхождения от Стеньки Разина к Ленину (то-то Ленин был бы польщён!) и к желанному коммунизму. Хотя и в этих стихах многое сказано метко, главный интерес, на мой взгляд, представляют всё же не они.

Дальше уделено внимание только тем главам, которые вне идеологии и всегда современны, главам, в которых поэт представляет взволнованных собеседников.

Как почитатель Марины Цветаевой

Обсуждая сострадательность поэта, невозможно обойти его упоминаний о Марине Цветаевой. В стихи «Поэта вне народа нет», написанных в связи со строительством КамАЗа, он включил горестное воспоминание о ней в недалёкой от стройки Елабуге. Жуткая как бы бытовая деталь в речи хозяйки дома, где Цветаева повесилась:

Ну а старуха, что выжила впроголодь,
мне говорит, будто важный я гость:
«Как мне с гвоздём-то? Все смотрят и трогают...
Может возьмете себе этот гвоздь?»

А чуть дальше, он цитирует две строки из стихотворения Цветаевой 1934 года. Она начала его презирательными восклицаниями

Тоска по родине! Давно
Разоблачённая морока!

и, вопреки следующим затем горьким утверждениям на тему «всё – равно, и всё – едино», закончила поразительным задумчивым полуводопросом:

Но если на дороге – куст
Встает, особенно – рябина...

Через пять лет куст или рябина на дороге встали, условие выполнилось, и Цветаева вернулась в Россию – к несчастным семейным обстоятельствам и на свою погибель.

В заключительных строках Цветаевой Евтушенко заменил союз «Но» союзом «И» и многоточие своими двумя строками:

И если на дороге куст
встает, особенно рябина, –
и я вовек не отрекусь
ото всего, что мной любимо.

Это добавление соответствует его мироощущению; оно, в отличие о цветаевского, – позитивно, клятва верности выглядит приподнято, размашисто. Но, как часто случается, увлечение риторикой подвело: смысл клятвы туманен. Поэт странно пренебрёг тем, что присоединился своим «и я» к Цветаевой (больше никого не видно), которая, однако, клятвы не давала. Пренебрёг он и тем, что, сохранив цветаевский союз «если», исполнение клятвы обусловил встречей с кустом и рябиной.

Глава 2

О самом тяжёлом и о счастье созидания

Еврейский ужас

Глава «Диспетчер света» содержит монолог Изи Крамера, как можно понять, сменного дежурного инженера этой ГЭС, и небольшие на этот раз комментарии автора. И трогательно, и страшно воспоминание о любви Изи в немецком лагере к тоже заключённой Риве, об издевательстве над ней. Вот два фрагмента.

а семнадцать лет – они и в гетто,
что ни говори, семнадцать лет.

Тело жадно дышит сквозь отрепья
и чего-то просит у весны...

А у Ривы, как молитва ребе,
волосы туманны и длинны.

А глаза у Ривы – словно взрывы,
чёрные они, с огнем внутри.

Молится она окаменело,
но молиться губы не хотят
и к моим, таким же неумелым,
шёлушась, по воздуху летят!

А она стоит, почти незрима
от прозрачной детской худобы,
колыхаясь, будто струйка дыма
из кирпичной лагерной трубы.

И живая или неживая –
не пойму... Как в сон погружена,
мертвенно матрасы набивает
человечьим волосом она.

Надсмотрщица заставляет Риву одеть её новые сапоги и бегать, чтобы разносить их.

И бежит, бежит по кругу Рива,
спотыкаясь посреди камней,
и солдат лоснящиеся рыла
с вышек ухмыляются над ней.

Боже, я просил ей смерти, помнишь?

Почему она еще живет?

Я кричу, бросаюсь ей на помощь,
мне товарищ затыкает рот.

Боже, я опять прошу об этом!

Милосердный боже, так нельзя!

Солнце, словно лагерный прожектор,
Риве бьет в безумные глаза.

Падает... К сырой земле прижалась
девичья седая голова.

Наконец-то вспомнил бог про жалость.

Бог услышал, Рива: ты мертва...

Ужас застенка

В главе «Большевик» «инженер-гидростроитель Карцев» рассказывает о своих мечтах, войне, борьбе, учёбе, преданности долгу и Ленину. Но он

не мог понять, что делается – словно
две разных жизни были у страны.

В одной – я строил ГЭС подвой шакалов.

В одной – Магнитка, Метрострой и Чкалов,
«Вставай, вставай, кудрявая...», и вихрь
аплодисментов там, в кремлевском зале...

В другой – рыданья: «Папу ночью взяли...» –
и – звезды на пол с маршалов моих.

Когда меня пытали эти суки,
и били в морду, и ломали руки,
и делали со мной такие штуки –
не повернется рассказать язык! –
и покупали: «Как насчет рюмашки!» –
и мне совали подлые бумажки,

то я одно хрюпел: «Я большевик!»
И я шептал портрету в исступленье:
«Прости ты нас, прости, товарищ Ленин...
Мы победим их именем твоим.
Пусть плохо нам, пусть будет еще хуже,
не продадим, товарищ Ленин, души,
и коммунизма мы не продадим!»

Ты, помни, видя стройки и плотины,
во что мой свет когда-то обратили.
Еще не все – технический прогресс.
Ты не забудь великого завета:
«Светить всегда!» Не будет в душах света –
нам не помогут никакие ГЭС!

Подобно тому, как Э. Багрицкий обратился к Пушкину («Подай же мне, классическая музя, оброненный тобою пистолет»), главу «Маяковский» Евтушенко заканчивает решительными словами о револьвере:

Он учит против лжи,
все так же косной,
за дело революции стоять.
В нем нам оставил пули Маяковский,
чтобы стрелять, стрелять, стрелять.

От злоключений к счастью в общем труде

В главе поэмы «Нюшка» содергится монолог, не столь трагический, но тоже бесконечно значительный. Он сказочно, поразительно трогателен. В нём рядом с идеализацией многое правды и о людях, и о времени. Героиня представляется: «Я бетонщица, Буртова Нюшка. / Я по двести процентов даю». Она «На рогожке пожухнувших пожней / в сорок первом году родилась / в глухоманной деревне таежной / по прозванью Великая Грязь». При родах её мать умерла, под Ельней погиб отец.

Грудь мне ткнула соседская Фроська.
Завернул меня дед Никодим
в лозунг выцветший «Все для фронта!»,
что над станом висел полевым.

Она стала «деревниной дочкой и, как мамку, любила ее».

Председатель колхоза, измordованный требованиями непосильных поставок от нищей деревни, советовался, как с иконой, со старым фото Ленина,

А потом, просветленно очнувшись,
прижимал меня крепко к груди:
«Ничего, все изменится, Нюшка...
Погоди еще чуть, погоди...»
И однажды из дряхлой двустволки
он пустил себе в сердце жакан.
И лежал он, и каждый стыдился,
что его не сберег от курка,
а нахмуренный Ленин светился
на борту его пиджака.

Дальше была прислугой в доме начальственного сталиниста, судомойкой вагон-ресторана. Там заметила:

Возвращались они долгожданно,
исхудалые, в седине,
с Колымы, Воркуты, Магадана,
наконец возвращались к стране.

Прибыла к группе молодёжи и с ней влилась в строительство Братской ГЭС. Как будто излагается старая песня: «На заводе том Ваньку встретила, / а потом, проработавши год, / за весёлый труд, за кирпичики / полюбила кирпичный завод.» Но в ней и новый мотив, общественный:

Страшный ветер меня колошматил,
и когда уже не было сил,
то мне чудился председатель,
как он с Лениным говорил.
А потом и бетонщицей стала,
получила общественный вес.
Вместе с городом я вырастала,
и я строилась вместе с ГЭС.

Дальше обидный любовный случай и беременность.

Я взбежала на эстакаду,
чтобы с жизнью покончить враз,
но я замерла истуканно,
под собой увидев мой Братск.

И меня, как ребенка, схватила
с беззащитным укором в глазах
недостроенная плотина
в арматуре и голосах.

И сквозь ревы сирен и смятенье
голубых электродных огней
председатель и Ленин смотрели,
и те самые, из лагерей.

И кричала моя деревушка,
и кричала моя Ангара:
«Как ты можешь такое, Нюшка?
Как ты можешь?» И я не смогла.

И опять разворачивается старая сказка, но вновь трогательная.
При выходе из больницы:

И, прижав драгоценный мой сверток
и, признаться, тревогу тая,
на ногах закачавшись нетвердых,
всю бригаду увидела я.

Слезы лились потоком – стыдища!..
Но, меня ото слез пробудив,
«Дай взглянуть-то, каков наш сынишка...» –
грубо说道 бригадир.

И со взглядом нетронуто-синим
не умел он еще понимать,
что он сделался стройкиным сыном,
как деревниной дочкою – мать...

И в огромной толпе однокашней
с ним я шла через год под оркестр.
В этот день – и счастливый и страшный –
состоялось открытие ГЭС.

Я шептала тихонечко: «Трошка! –
прижимая сынишку к груди. –

Я поплачу, но только немножко.
Я поплачу, а ты уж гляди...»

В заключительной коде главы – её мечты и завещание:

Чтобы бабы сирот не рожали,
чтобы хлеба хватало на всех,
чтоб невинных людей не сажали,
чтоб никто не стрелялся вовек.

Чтобы все и в любви было чисто
(а любви и сама я хочу),
чтоб у нас коммунизм получился
не по шкурникам – по Ильичу.

И на фабрике, и в кабинете,
и в кругу сокровенном семьи
знайте: лампы привычные эти –
Ильича и немножко мои.

Пусть запомнят и внуки и внучки,
все светлей и светлей становясь:
этот свет им достался от Нюшки
из деревни Великая Грязь.

Глава 3

Апофеоз поэмы и её дидактика

Лихой апофеоз

В главе «Бал выпускников» поэт увлечённо рифмует, как ребята лихо отплясывают на Красной площади:

Где стоял ты, / Стенька,
возле палача, –
абитуриентка
пляшет / ча-ча-ча.
Бедные дружинники
глядят, / дрожа,
как синенькие джинсики
дают / дрозда.
Но на просьбы робкие –
свист, / свист,
и танцуют / родненькие
твист, / твист...

Но поэту этого мало, и он сурово призывает ребят вспомнить об идеологических устоях: «В бой зовет Коммуна! / Станьте из детей / сменой караула / у ленинских дверей!»

Попутно. Евтушенко, полагаю, знал смысл некрофильского воспарения Маяковского в его поэме «Ленин» от 1924 года: «И коммунары с-под площади Красной, / казалось, шепчут: Любимый и милый! / Живи, и не надо судьбы прекрасней – / сто раз сразимся и ляжем в могилы!» Поэтому ликование на этом же месте выглядит противопоставлением прежней жути: «с -под площади» взывают, по-видимому, погибшие в 1917 году в бою за Кремль солдаты и рабочие, захороненные тут же.

Тема долга снова звучит и в следующей главе «Минута слабости». Поэт умоляет не прятаться за разнообразные бытовые «клезаботы» и настаивает:

Я знаю,
сложна эпоха
и трудно в ней разобраться,
но если в ней что-то плохо,
то надо не прятаться –
драться!

Итоговая дидактика поэмы

В заключительной главе «Ночь поэзии» происходит пикник по поводу пуска ГЭС, пикник с широкой пьянкой и чтением стихов.

<...> и, завершая праздник,
мы пели песни дальней старины
и много прочих песен – самых разных,
да и – «Хотят ли русские войны?».

И, как самой России повеленье
не променять идею на слова,
глядели Пушкин, и Толстой, и Ленин,
и Стенькина шальная голова.

В последней строфе составлена противоестественная троица: трезвейшего ума Пушкин, проницательнейший проповедник опрощения Толстой и упёртый в мечты о коммунизме властолюбец Ленин. Она ещё и приправлена шальным бандитом Разиным. Относительно указанной троицы уже в пролог поэмы помещено развёрнутое уверение в её могуществе. Хотя в том месте обошлось без Разина, поэт, как видно, упорен в формировании троицы, он не замечает беспринципность этого отбора и увлечённо заходит за край разумного.

Ещё легкомысленней стихи «Хотят ли...», упомянутые в предыдущей строфе. И в 1961 году, когда они были написаны, в России было немало боевых, а теперь явились целые толпы, решительно противоречавшие поэту своей безумной угрозой «можем повторить» и с восторгом принявшие войну с Украиной. Зря он брался говорить от имени народа. И народ, и его прошлое многое сложнее авторской стилизации, дидактики и мечтательной риторики. Воспоминания персонажей его же поэмы ясно об этом свидетельствуют.

Глава 4

Взгляд на поэта извне и реальная Братская ГЭС

Оборотная сторона признания

В более поздних стихах «Долголетие» 1976 года 44-летний Евтушенко трезво осмыслил своё положение в обществе:

Кальсоны елабужского милиционера / стирала Марина Цветаева.
Ахматова, чтобы узнать о сыне, / в очереди страшной / выстаивала.
А я выступал во Дворце спорта, / иногда выбирался в президиум.
Русский поэт с такою судьбою / морально уже подозрителен.
Но, честное слово поэта, / я славой не слишком укачивался,
в поэзии беспрецедентно / создав прецедент удачливости.
Прошу ко мне относиться критически, но уважительно.
Поэты сорокалетние у нас, на Руси, - долгожители.
Но как мне сполна расплатиться / за славу, с избытком / отпущенную,
за то, что я стал долгожителем, / за то, что я старше Пушкина?!

Действительно, его широко читали и слушали, он был признан и многими любим. Причина проста: он впрямую и доходчиво говорил о том близком людям, которое у других и в иносказаниях не проглядывало: о трудностях и жестокости, о сострадании, о радости общего труда, о стремлении к лучшему.

Действительно, власть поразительно много разрешала ему (так много, что его недоброжелатели называли его агентом Лубянки) – за демонстрацию верности Ленину и оптимистической веру в будущее благополучие, даже в коммунизм. Ведь после развенчания Сталина и нескольких шагов отхода от сталинизма, шагов, пусть непоследова-

тельных, но потрясающе важных, власть не имела иной идеологии, кроме идеализации Ленина (остальных «вождей» Сталин опорочил и извёл) и «возврата к ленинским нормам партийной жизни». А из социализма с его дефицитом всего, но зато с полицейщиной и воинственностью нужно было как-то выбираться. Власть, в меру своего очень одностороннего понимания действительности и в меру своих очень скромных возможностей, пыталась уйти от прежней жестокости и хоть как-то улучшить жизнь людей. И светлой целью будущего был объявлен коммунизм, обещанный чуть ли не к 1980 году, что было изначально смешно. Евтушенко в то время, по-видимому, разделял эти надежды, делал что мог в этом направлении и поэтому мог позволить себе в «Братской ГЭС» (глава о Ленине в Симбирске) говорить о революции, не уточняя – о прошлой революции или о будущей:

Если слезы сквозь крыши льются,
строй лишь внешне несокрушим,
и заваривается
революция,
и заваливается
режим.

Действительно, умники, игнорируя то, чем он был уникально близок людям, презирали его поэзию за недостаток образности, зато избыток рассуждений, риторики, дидактики, за её местами неряшливость, нескромность. По этому поводу есть элементарное возражение: если хотят судить непредвзято, о любом деятеле, будь то каменщик, учёный, поэт или политик, судят по его лучшим достижениям, а не по слабостям, которых обычно гораздо больше. Показателен пример Афанасия Фета: он создал несколько изумительной красоты новаторских стихотворений, тем и велик, хотя они тонут среди холодного стихосложения и всевозможной риторики, в том числе искательной. Аналогично, Евтушенко отлично донёс до людей немало очень достойного и нужного им, это и ценно, а остальное, ну что ж, надо прощить и можно забыть. Более того, в искусстве вряд ли можно по формальным признакам чётко различить выполненное прекрасно и так себе; важнее иное: нужно ли, интересно ли людям решение той задачи, которуюставил перед собой создатель и удалось ли ему эту задачу решить. Так вот, примеры стихов, включённые в эти заметки, ясно говорят о том, что хотя бы в этих случаях Евтушенко решал в его «жестокий век» крайне важную задачу пробуждения человеческого со-

страдания и применил для этого вполне подходящие, действенные выразительные средства.

Наконец действительно, многие его коллеги-поэты и, вообще, литераторы остро завидовали ему, даже ненавидели.

Поэт на теннисном корте

Ранней весной 1971 году моя жена Людмила и я, не найдя ничего лучшего для отдыха, отправились в Коктебель в «дом творчества писателей», для чего купили в Совписе курсовки, которые обеспечивали нас едой в столовой этого дома и пребыванием на его территории. Там был теннисный корт, на котором нам иногда удавалось играть друг с другом или, составив микст, вчистую проигрывать литератору, игравшему против нас в одиночку. Это был Олег Михайлов. В 1950-х годах он, тогда совсем молодой человек, дружил с моим старшим братом на почве общего интереса к Ивану Бунину и не раз бывал в нашем доме. (Этот интерес привёл брата к последней его большой статье «Поздняя новелла Бунина», опубликованной в его посмертно изданной книге Иофьев М.И. «Профили искусства», изд. «Искусство», М., 1965. Впоследствии и Олег писал о Бунине, а позднее обнаружился известным литератором довольно почвенного направления.)

На корте появлялся и Евтушенко. Он был одет немного не по-теннисному ярковато, играл старательно, но, хотя у него ноги и руки длинные, за дальними мячами не устремлялся — за бесполезностью. Было хорошо видно, что его противники, подобно Олегу при игре с нами, получали тройное удовольствие: и от игры, и от непременного выигрыша, и от выигрыша именно у него. Зрители же удовлетворённо улыбались, при его ошибках даже посмеивались. А он спокойно играл, как будто не замечая этого. Проигрывал, слегка благодарил и уходил.

Но вдруг очередной спектакль унижения Евтушенко не состоялся, и публика смотрелась как-то скучно. Олег нам объяснил, что в дом творчества пришла телеграмма из Совписа: получено приглашение для Евтушенко принять участие в плавании на плоту по рекам Канады, разрешение на выезд уже есть, и Евтушенко должен срочно явиться в Москву для оформления документов. Приглашение же не от кого-нибудь, а, насколько помню, от К. Воннегута, в то время уже изданного в СССР. И Евтушенко отбыл в Москву, а отдыхающие литераторы

почувствовали себя глубоко и несправедливо уязвленными: почему всё ему?

Реальная Братская ГЭС

Гигантское строительство Братской ГЭС, начатое в 1954 году, и совершившее удивительно быстро, в 1961 году, пуском в работу первого агрегата (последний пущен через пять лет), произвели на Евтушенко сильное впечатление, и это не случайно. Снизу плотины этой ГЭС под напором воды около 100 метров было поставлено 18 гидроагрегатов, каждый мощностью 225 тыс. кВт. (Чтобы был ясен масштаб: обычной семье того времени для освещения и небольшого подогрева был вполне достаточен всего 1 кВт, а значит, работая с полной мощностью, а такое на ГЭС бывает редко, такой агрегат даёт электроэнергию для города с 225 тыс. семей). Получилась гидростанция, самая большая в то время.

Новизна Братской ГЭС не только в её технических характеристиках – может быть, ещё важнее, и Евтушенко это отметил, что впервые сооружение большого масштаба было создано в СССР без использования заключённых. Знамение послесталинского времени!

Я много лет был связан с этой ГЭС профессионально. Для неё и ближайших к ней подстанций напряжением 500 кВ я с группой сотрудников дважды разработал ту автоматику, которая необходима, чтобы обычные повреждения линий электропередачи, отходящих от ГЭС, не развивались в крупные аварии. Такие аварии были бы крайне опасны и для электротехнического оборудования, и для местных потребителей, и для энергетических узлов, принимающих от ГЭС электроэнергию, – сначала Иркутского и несколько позже ещё и Красноярского узла. Эта автоматика была названа нами противоаварийной.

Первый раз такая автоматика для Братской ГЭС разрабатывалась в начале 1960-х годов, одновременно с работой Евтушенко над поэмой. Отсутствие нужной специальной аппаратуры мои два сотрудника и я на молодом энтузиазме компенсировали приспособлением родственной, но не подходящей для этого аппаратуры, и на этой слабой базе тем не менее впервые разработали автоматику как целый комплекс устройств (Он подробно описан в нашей первой статье: В.А. Гладышев, Б.И. Иофьев, Л.Н. Чекаловец «Противоаварийная автоматика электропередач 500 кВ, отходящих от гидростанции (опыт про-

ектирования)» в сборнике «Средства противоаварийной автоматики энергосистем», изд. «Энергия», М.-Л. 1964).

Второй разработанный нами комплекс автоматики пришёл на смену первого комплекса через десять лет и был тоже революционным. В нём была применена специализированная аппаратура, разработанная по нашему заказу электроаппаратным заводом в Чебоксарах (ЧЭАЗ), и, главное, впервые применена вычислительная техника. Эта машина имела небольшую производительность, но обладала той надёжностью, которая требуется для борьбы с авариями. Для этого она содержала три комплекта аппаратуры, параллельно и постоянно решавших задачу настройки автоматики. Её разработала небольшая группа талантливых энтузиастов в московском ЦНИИКА.

В заключение приходится заметить, что Евтушенко не вполне понимал значимость Братской ГЭС, связывая её с «лампочкой Ильича», со светом для людей и только.

Эта ГЭС сооружалась в первую очередь для снабжения, видимо, резко развивавшейся промышленности Иркутского района. (Что это за промышленность я тогда не мог знать, да и теперь не знаю; только предполагаю, что для изготовления, скажем, колготок, от дефицита и низкого качества которых женщины сильно страдали, столько электроэнергии не потребовалось бы.) С этой целью перекрыли 586 км от ГЭС до Иркутска двумя линиями электропередачи напряжением 500 кВ, по которым передавалось до 1000 тыс. кВт электроэнергии. Надёжность именно этой электропередачи была главной целью первого из наших комплексов автоматики. Затем по многочисленным менее высоковольтным линиям получили электроэнергию созданная поблизости от ГЭС крупная промышленность: Братский алюминиевый завод (БрАЗ), лесопромышленный комплекс, горно-обогатительный комбинат. Попутно подавалось электричество и в бараки, а потом в дома строителей ГЭС и её эксплуатационного персонала, но в масштабе Братской ГЭС количество этой электроэнергии, конечно, незначительно. Кстати: мало кто знает, что бытовое потребление электроэнергии составляло в СССР приблизительно 15% от общего потребления, а остальные 85% щедро отдавалось промышленности, не ведающей об энергосбережении.

Конечно, научная, инженерная, хозяйственная, экономическая и организационная сущность строительства и работы электростанции

оказалась Евтушенко чуждой. Это простительно для поэта, и прозаические аспекты ГЭС напомнены отнюдь не в укор ему. Он видел живую вдохновляющую картину громадного строительства (я могу судить об этом: сам видел и плавал на лодке по водохранилищу поблизости от плотины). Он видел непосредственную работу людей, говорил с ними об их жизни, и он прорвался в своей поэме к щемящим человеческим образам и замечательным ярким стихам.

Так и мы, инженеры, разработали для Братской ГЭС и в связи с ней много интересного и важного в создаваемой нами профессии – противоаварийной технике.

Людям нужно и то, и другое, но есть, правда, справедливое различие: за всего лишь слова поэмы будут благодарны многие и долго, а память о нашем более вещественном вкладе, вполне существенном вкладе в прогресс противоаварийной техники, – недолговечна.